

ГОРДОСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛТОРА века назад — 11 ноября 1821 года — в Москве родился великий русский художник слова Федор Михайлович Достоевский. Этот юбилей широко отмечается на родине Достоевского и во всем мире.

Уже давно получила признание и всеобщее признание исключительная художественная одаренность писателя. «Гениальность Достоевского неслыханна, по силе образности его талант равен, может быть, только Шекспиру», — утверждал Горький. По силе эмоционального воздействия на читателей с Достоевским могут сравниться лишь немногие из великих мастеров всемирной литературы. «...Он нас потрясет так, как никто», — писал Лунинский.

И сегодня Достоевский остается одним из самых читаемых и почитаемых классиков русской и мировой литературы. Велико его влияние и на современных литературных процессах: многие нынешние мастера романа, живущие на разных концах нашей планеты, изучают творческий опыт Достоевского-романиста.

Со времени прихода Достоевского в литературу и до наших дней ведутся нескончаемые споры о цели и значении его произведений. Это объясняется тем, что Достоевский принадлежит к числу наиболее сложных художников и мыслителей минувшего века.

Мировоззрение и творчество Достоевского были отмечены не менее кричащими противоречиями, чем взгляды и творчество Толстого. По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, в наследии Достоевского В. И. Ленин учил видеть сильные и слабые стороны: «Беспощадно осуждал Владимир Ильич реакционные тенденции творчества

Достоевского... Вместе с тем Владимир Ильич не раз говорил, что Достоевский действительно гениальный писатель, рассматривавший большие стороны современного ему общества, что у него много противоречий, изломов, но одновременно — и живые картины действительности».

Что же нового принес Достоевский в искусство? Чем обогатил он русскую и мировую литературу? Уже первое произведение молодого Достоевского — роман «Бедные люди» — вызвало читателей глубочайшим сочувствием к «маленьким людям», сердечной болью за их страдания, за поруганное человеческое достоинство. Восторженно встретил «Бедных людей» Белинский: писал: «Честь и слава молодому поэту, муза которого любит людей на чердаках и в подвалах». Великий критик хвалил молодого писателя за смелую попытку создать первый русский социальный роман.

Приняв тему «маленького человека» от Пушкина и Гоголя, Достоевский придал ей новое звучание. Герой гоголевской повести «Шинель» Акакий Акакиевич Башмакин — жалкое, униженное, безропотное существо. Герой романа «Бедные люди» Макарь Алексеевич Девушкин унижен и несчастлив не менее Башмакина. Но Достоевский, глубоко заглянув в его душу, увидел, что под покровом смирения и покорности живут другие чувства — оскорбленное человеческое достоинство, протест и бунт.

Горячее сочувствие и сострадание молодого Достоевского к униженным, оскорбленным и угнетенным людям привели его сначала к кружок Белинского, а затем в кружок Петрашевского, объединившие передовую интеллигенцию, увлеченную социальными идеями.

Весной 1849 года петрашевцы были арестованы. Четыре с лишним года провел Достоевский в остроге, и днем и ночью не расставаясь с кандалами. Об этих тягчайших годах своей жизни писатель рассказывал в книге «Записки из мертвого дома», которую Герцен назвал страшным повествованием, наполненным описанием ада в «Божественной комедии» Данте. Лев Толстой оценил ее как одну из лучших книг «по всей новой литературе». Самое замечательное в ней — неколебимая вера писателя в то, что никакие мучения и муки не могут убить живые души людей на земле. Их светлые образы он воспроизводит с телью симпатией.

Кагора и ссылка подорвали здоровье Достоевского; у него развились эпилепсия, от которой он не смог избавиться до конца дней. Лишь в 1859 году Достоевскому

было разрешено возвратиться в Петербург. В короткий срок он завершил произведения, начатые в последние годы ссылки: сатирические повести «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели», а также «Записки из мертвого дома».

В 1861 году Достоевский опубликовал большой роман «Униженные и оскорбленные», продолживший тему его ранних произведений. Как и в «Бедных людях», здесь изображены страдания тех, кого гнетут и губят жестокие порядки и законы, основой которых, по меткому определению Добролюбова, служили «насильственные давления».

В 60—70-е годы Достоевский близко знакомится с жизнью буржуазной Европы. Свои первые встречи с ней он описал в «Зимних заметках о летних впечатлениях», опубликованных в 1862 году в журнале «Время». Яркими красками он рисует здесь портрет европейского буржуазного общества с его богатством перед бедными и сильными и презрением к немощным и слабым.

В отличие от своих современников — Чернышевского и Добролюбова, Некрасова и Щедрина — Достоевский не был сторонником революционного пути преобразования общества. Но он, как и Толстой, ожидал неминуемой «развязки» социальных противоречий. В «Дневнике писателя» за 1877 год Достоевский говорил о предстоящей «колоссальной революции, которая несомненно грозит потрясти все царство буржуазии во всем мире...»

Прямым порождением буржуазной идеологии и морали явилась «теория» главного героя романа «Преступление и наказание» студента Раскольникова о «праве» сильной личности пренебречь законам человеческого общежития. С этой «теорией» связана «формула» Ивана Карамазова: «все дозволено для сильной личности».

Страшный герой повести Достоевского «Записки из подполья» — существо буржуазного индивидуализма выражает словами: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить». Тема разобщения, отчуждения, страшного одиночества человека в мире, где действует закон борьбы всех против всех, — основная тема «Записки из подполья» и многих других произведений Достоевского.

Главный герой его романа «Подполье» Аркадий Долгорукий, мучающийся тем, что он «незаконно рожденный», хочет «стать Ротшильдом» и отомстить своим обидчикам. Столкнувшись с миром жестоких, пороковых людей, короткий,

душевный, жалостливый и большой князь Мышкин — главный герой романа «Идиот» — «никто не может помочь и слова плавать в безумие. Его жалост и любит Настасья Филипповна: чья редкая красота становится предметом кид... Чутьбы старик детей от голодной смерти, продаст себя Соня Мармеладова — героиня «Преступления и наказания». Пошла горя и бед судьба героинь романа «Братья Карамазовы» Грушеньки и Катерины Ивановны.

Как живые встают со страниц романов Достоевского и мучители и мучители. Среди последних — старик Карамазов, воплощающий в себе отвратительные черты «карамазовщины» с ее ложью, грязью, подлостью и полным аморализмом. Ни у одного другого писателя не показаны с такой полнотой и силой болезненные проявления человеческой психологии, как это сделал Достоевский. И не случайно критики называли его талант жестоким талантом.

«Должен был явиться человек, который воплотил бы в своей душе память о всех этих мучках людских и отразил эту страшную память — этот человек Достоевский». Но из этого вовсе не следует, что автор «Братья Карамазовы» был мрачным pessimistom, утратившим веру в жизнь, в будущее человечества. Устами героя романа «Сон смелого человека» Достоевский высказывает самую замечательную свою мысль: «Я иду и

знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей». До конца своих дней Достоевский не терял надежды на победу сил разума, справедливости и добра.

Достоевский ввел в литературу новые пласты жизни, обогатил ее многими художественными открытиями. Его романы отличаются крайней, предельной напряженностью действия. Достоевский наполняет их сюжетом множеством неожиданных, случайностей, острых проявлений явной и тайной борьбы. Так в художественной форме своих произведений он стремился выразить «дух времени».

В романах Достоевского звучит хор множества разных голосов, развращаются бурные споры и дискуссии, страстные и пылкие сражения. Это делает их близкими к драматургическим произведениям. И не случайно многие из романов Достоевского инсценированы для театра, экранизированы для кино и телевидения.

Ф. М. Достоевский близок и дорог всем честным людям земли как страстный художник-гуманист. Своими замечательными произведениями он прославил русскую литературу и, подобно Л. Н. Толстому, сделал шаг вперед в художественном развитии человечества.

К. ЛОМУНОВ,
доктор филологических наук,
профессор

ЮБИЛЕЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Сегодня утром представители учреждений и общественных организаций нашего города, творческих союзов, деятели литературы и искусства пришли к могиле Ф. М. Достоевского, чтобы почтить память замечательного писателя.

Горестную церемонию открыл начальник Главного управления культуры — Деягорисполкома А. Н. Нарцисс.

К надгробию Ф. М. Достоевского была возложена венки.

Сегодня коллектив Академического театра комедии показывает спектакль «Село Степанчиково и его обитатели», премьера которого состоялась около года назад. Специальная интерпретация произведения Ф. М. Достоевского, осуществленная В. Голыным, с интересом встречена зрителями и критикой.

Театр имени Ленского продолжает работу над инсценировкой романа «Преступление и наказание». Роль Раскольникова в спектакле, который ставит заслуженный деятель искусств РСФСР И. Владимиров, репертурует заслуженный артист РСФСР А. Дьяков.

В кинотеатрах города демонстрируются в эти дни фильмы, созданные по произведениям Ф. М. Достоевского мастерами советского кинематографа. — «Преступление и

наказание», «Дядюшкин сон», «Братья Карамазовы», «Кроткая».

На Ленинградской студии научно-популярных фильмов только что завершена работа над цветной широкоэкранной лентой «Памяти Достоевского». Автор и режиссер фильма — В. Гуркаленко, оператор — Б. Виноградов, художник — В. Иванов.

15 ноября в Институте русской литературы (Пушкинском доме) открывается научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения писателя. В ней примут участие академики М. Алексеев, Д. Лихачев, доктора филологических наук Г. Фриденбер, Б. Мейлах, а также зарубежные исследователи творчества Ф. М. Достоевского — Д. Кирай (Венгрия), М. Бабович (Югославия), М. Вернер (ГДР).

К конференции приурочено открытие выставки из фондов Литературного музея Пушкинского дома. На ней будут экспонироваться редкие портреты писателя, рукописи его произведений, прижизненные издания книг, фотографии петербургских домов, в которых жил Ф. М. Достоевский.

Один из главных разделов выставки — «Достоевский и наша современность».

А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ НЕЛЕГКИЕ ГОДЫ

В архиве жены писателя А. Г. Достоевской в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина хранятся неопубликованные до сих пор воспоминания о пребывании Достоевских за границей в 1867—1871 годах.

Мы предлагаем вашему вниманию главы из этих воспоминаний. Публикация ее с незначительными сокращениями подготовлена литературоведом С. Беловым.

14 апреля 1867 года мы выехали за границу и через Берлин прибыли в Дрезден, где пробыли два месяца. Здесь Федор Михайлович был занят статьей «Мои воспоминания о Белинском», которую заказала для него Барбикомов (Бабиков) Константин Иванович, 1841—1873, писатель. Упоминаемая статья была заказана для задуманного им литературного сборника «Чаша». — С. Б.). Статья эта заключалась в себе до двух печатных листов; она была отослана А. Н. Майкову, им передана Барбикомову (Барбикову) Александру Федоровичу, 1825—1899, петербургский издатель и книгопродавец. — С. Б.) и затем пропала без вести. В Дрездене Федор Михайлович чрезвычайно любил ходить в галерею...

В половине июня 1867 года мы переехали в Баден-Баден и прожили там полтора месяца. Здесь же Федор Михайлович виделся несколько раз с Тургеневым и разошелся с ним окончательно. Благодаря деньгам, полученным от Каткова, мы получили возможность уехать из Бадена и через всю Швейцарию достигли Женевы...

В Женеве мы прожили всю зиму 1868—1869 года до мая 1869 года. (Даты указания неточно: Достоевские в Женеве жили с августа 1867 по май 1868 года. — С. Б.). Федор Михайлович принял за компанью и затем писание романа «Идиот» для «Русского вестника», в котором этот роман появился в январе 1870 года. Жизнь наша в Женеве была довольно разнообразна: Федор Михайлович в 11 или 12 часов дня уходил за работу и работал до 3; затем диктовал мне, в четыре часа мы шли обедать в какой-нибудь ресторан; оттуда Федор Михайлович шел читать русские газеты. Вечером перед чаем Федор Михайлович мы шли гулять; затем в 10 часов он садился за работу и занимался до 4—5 утра. Знакомых у нас в Женеве не было никого, кроме Огарева, который иногда заходил к нам

и даже вырчал нас мелкими суммами (5 франков), когда мы очень нуждались.

В феврале (22-го) 1868 года у нас родилась дочь София. Рождение ее было большим счастьем для нас и очень оживило Федора Михайловича. Все свободные минуты он проводил у ее колясочки и радовался каждому ее движению. Ей было 2 месяца и 3 недели, когда она умерла. Смерть ее была страшным и неожиданным ударом для нас. Федор Михайлович всю жизнь не мог забыть девочку и всегда вспоминал о ней с сердечной болью. В одну из своих поездок в Эмсе Федор Михайлович нарочно съезжал в Женеву, чтоб побывать на ее могиле.

В Женеве все напоминало о нашей потере, и мы не могли более оставаться там. В конце мая 1868 года мы переехали в Уевеу (на Женевском озере), где провели все лето. В начале сентября мы через Simplon переехали в Милан, пробыли два месяца в Милане и поселились на зиму 1868—69 гг. во Флоренцию. Здесь Федор Михайлович продолжал писать роман «Идиот», окончание которого появилось отдельной книжкой в начале 1869 года. Во Флоренции мы жили так же однообразно, как и в Женеве. Любимым времяпрепровождением Федора Михайловича было посещение знаменитых Флорентийских галерей в палацах Pitti и Uffizi. Любимыми картинами были «Madonna della Sedia» Рафаэля, «Св. Иоанн Креститель» и несколько статуи. Часто мы посещали различные церкви и монастыри, и Федор Михайлович особенно восхищался «колумбийско (Сампранилло) в церкви «Maria del Fiore», а также удивительными древними в Battistero, отлитыми в XVI столетии. Восхищение его это художественную работу доходило до того, что он много раз мечтал о некотором богатстве, чтоб иметь возможность купить фотографию дверей в натуральную величину.

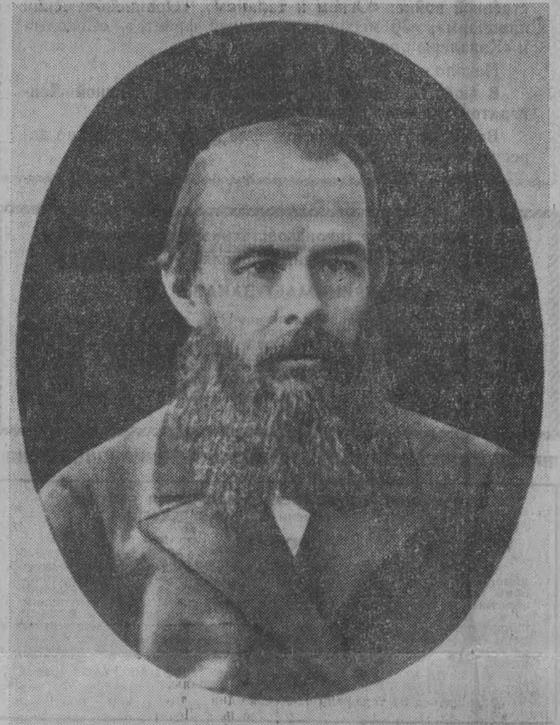
Федор Михайлович читал русские газеты в одной библиотеке, а также печатал бранную литературу 40-х и 50-х гг., особенно Вальзика и Жорж Санд. Знакомых у нас не было ни одного человека, так что в 10 месяцев нашего пребывания в Италии нам не пришлось ни с кем говорить по-русски. Федор Михайлович всегда с чрезвычайной симпатией относился к итальянцам и находил их простыми и добродушными, а простой народ находил похожим на русских мужиков и баб. Иногда ходили в театр, но довольно редко, так как всегда чрезвычайно нуждались в деньгах.

В июле 1869 года мы уехали из Флоренции и через Венецию, Триест, Вену, Прагу вернулись в Дрезден. Венеция произвела на Федора Михайловича чудное впечатление, и он много говорил о своей вседневной мечте — поехать опять в Венецию...

Сначала мы решили жить в Праге, так как Федор Михайлович очень интересовался тогда сближением со славянами и хотел познакомиться с Ригером и Палакием (Ригер Франтишек-Ладислав, 1818—1903, и Палакий Франтишек, 1796—1878, — чешские общественные деятели и ученые. — С. Б.). К сожалению, мы не нашли меблированной квартиры, а покупать обстановку было не на что, и потому мы основались в Дрездене. Здесь 14 сентября 1869 года родилась Лилия. В конце 1869 года Федор Михайлович написал для «Зари» повесть «Вечный муж».

С августа 1869 года по июль 1871 года, т. е. почти два года, мы прожили в Дрездене. Здесь Федор Михайлович был занят составлением плана, а затем писанием романа «Бесы», который появился в «Русском вестнике» в 1871 году. Его продолжал писать Федор Михайлович и по приезде в Россию, куда мы воротились 8 июля 1871 года. В Дрездене наша жизнь была оживленнее: с появлением Лилии являлись новые заботы, новые радости.

СЕГОДНЯ—150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Ф. М. Достоевский. Портрет из фондов Литературно-мемориального музея писателя в Ленинграде.

МУЗЫКА В ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

Среди многих сборников и монографий, вышедших к юбилею, хочется отметить книгу А. Голында «Достоевский и музыка», выпущенную Ленинградским отделением издательства «Музыка».

Каждое бытие, тема эта, звучит непривычно. Однако А. Г. Достоевская — жена и друг писателя отмечала в своих «Воспоминаниях», что Федор Михайлович не только обладал хорошим музыкальным слухом, но и то, что среди его друзей были видные деятели музыкальной культуры — композитор А. Н. Серов, певец Е. А. Лавровская и другие. Эти замечания и послужили своего рода отправной точкой работы А. Голында.

В книге два раздела. Первый — и главный — раскрывает непосредственно отражение музыки в творчестве Достоевского. Автор отмечает, что музыка для писателя никогда не была случайной. В его произведениях она, как и пейзаж, неразрывно связана с героем, служит для раскрытия его душевного мира, настроения. Вспомните, например, слова Раскольникова: «Я люблю, как поют под шарманку в холодный, темный и сыррой осенний вечер». Не случайно, вероятно, один из самых лирических эпизодов в романе «Идиот» — когда Мышкин получает лютневую Аман и читает письма Настасьи Филипповны — протекает на фоне музыки, звучащей в Павловском вокзале.

Вторая часть книги посвящена анализу взглядов Достоевского на музыку. Отношение писателя к социальным русским и зарубежным композиторам помогает увидеть эстетические взгляды Достоевского.

Б. СЕРГЕЕВ

ОТКРЫТЫ В ВЫСТАВКИ

Выставка, посвященная великому романтисту, открылась в Доме ученых имени А. М. Горького. Внимательные посетители предлагают не только книги писателя, но и фотографии, гравюры, воссоздающие облик Петербурга прошлого века.

Две интересные выставки подготовили сотрудники Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Экспозиция, развернутая в рукописном отделе, знакомит с автографами Ф. М. Достоевского, среди которых и черновой автограф речи писателя об А. С. Пушкине, произнесенной 8 июня 1880 года.

Принципиальные, революционные и современные издания произведений Ф. М. Достоевского представлены на выставке, открытой в главном здании библиотеки.

«ЖИВУ В ДОМЕ ШИЛЯ»

Петербург Достоевского... Улицы, переулки, названия которых сегодня звучат уже иначе; унылые дома с дворами-колодцами, облик которых ныне тоже стал иным; капища, мосты... Здесь разворачивались события «Белых ночей» и «Идиота», «Униженных и оскорбленных», «Преступление и наказание», здесь бродили, встречались, страдали Настасья и Мечтатель, князь Мышкин и Рогожин, Соня Мармеладова и Раскольников.

Раскольников... Почитателю творчества Достоевского покажут вам сегодня и дом, где якобы жил герой романа, — дом 19 по Гражданской улице, и старинное здание на канале Грибоедова — дом Соны и «дом процентщицы» на углу канала Грибоедова и Средней Подъяческой. Адреса эти, отсылая нас к трагическим литературоведом и историком, прочно устоялись, и вошли в обиход, вы встретите их в любой книжке о писателе.

Казалось бы, все бесспорно. И даже если вы пройдете от дома Раскольникова до дома старухи-процентщицы, вы быт может, и насчитаете ставшие классическими 730 шагов...

Однако... Возвращая в руки роман. Откройте страницу, на которой рассказывается о том, как Раскольников, Соны и Разумкин выходят из дома, в котором живет Родион Романович: «На улице стали в воротах. — Вам направо, Софья Семёновна?»

Она ужасно рада была, что, наконец, ушла; пошла потянувшись, торопясь, чтобы поскорей как-нибудь уйти у них из виду, чтобы пройти как-нибудь поскорей эти двадцать шагов до поворота направо в улицу...»

Нас тоже было трое. Директор Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского Б. В. Федоренко и мы, двое журналистов. Встали в воротах дома на Гражданской, бывшей Средней Мещанской, всеми признанном как дом Раскольникова, и попытались пойти за Соной. То есть, сделать те двадцать шагов «до поворота направо в улицу». И — ничего не получилось. Не было поворота. Не было улицы. Впереди был только нынешний проспект Малорова, бывший Вознесенский, до которого намного больше, чем двадцать шагов.

— Вы помните, — спросил Борис Варфоломеевич, — слова Раскольникова? «Я Родион Романович Раскольников, бывший студент, а живу в доме Шилля...» Так вот, дом Шилля рядом, за углом.

И здесь сбитые текуды мы стояли в Столярном переулке перед бывшим домом Шилля.

До сих пор в литературе о Достоевском упоминался лишь один дом Шилля, петербургского купца — на углу улицы Гоголя (бывшей Малой Морской) и проспекта Малорова, где с весны 1847 по апрель 1849 года жил Федор Михайлович. И считалось, что соиния «Преступление и наказание», писатель просто упомянул хорошо знакомый ему дом.

Но, как выяснилось, в Петербурге были еще дома, принадлежавшие Шиллю. Адрес одного из них, адрес, что и говорить, любопытный, обнаружили в архиве Б. В. Федоренко. Это — Столярный переулок (теперь — улица Приваляевского, дом 9).

На старинном чертеже, извлеченном из архива, читаем: «План Фасада по 2-й Адмиралтейской части 3 квартала № 132-й. Двор садового мастера Изинга, ныне Шилля».

И — что особенно интересно, что нам показалось наиболее примечательным и добрым, наиболее доказательным — дом напротив, дом купца Алонкина.

В нем, что называется, окна в окна жил с августа 1864 по январь 1867 года Федор Михайлович. Там он писал «Преступление и наказание». Из окон его квартиры были отлично видны и дом Шилля, и ты подворотни, где, быть может, стоял герой романа.

И если выйдя из подворотни этого дома, пойти направо, путем Соны, то через двадцать шагов вы сможете действительно свернуть на улицу — Малую Мещанскую, ныне Казначейскую, и выйти затем на канал Грибоедова (канаву, как на-

писано в романе), где в одном из домов жила Соны.

Ну хорошо, найден старый чертёж, найден дом Шилля. А замечательные две ступеньки вниз: он остановился в раздумье под воротами, прямо против темной каморки дворника. Сошел вниз по двум ступенькам...?

Есть в доме в Столярном, 9, и дворничья под воротами, и две ступеньки вниз.

Мы заглянули в дворничью, а потом по одной из лестниц дома

поднялись наверх, туда, где могла быть каморка Раскольникова. Хотя здание, поделенное и надстроено, но бо́льшая часть старой лестницы сохранилась почти в первоначальном виде. Поднимаемся по ней и будто попадаем в шестидесятые годы прошлого века — даже древние стальные шкафы для продуктов сохранились.

А двор! Стены дома не так давно покрашены, но словно желая сохранить кусочек Петербурга Достоевского, в неприкосновенности оставил мощный булыжник до двора. Да, по всем приметам и описаниям романа, здесь мог жить Раскольников, мог ходить по этим старым камням, подниматься по этой неуютной, крутой лестнице.

Что и говорить, топография точна, пожалуй, точнее общепринятой. Но не будем обольщаться, не будем увлекаться. Перед нами ведь роман, произведение художественное. И, конечно же, писательский домисел, писательская фантазия непременно присутствуют на страницах «Преступления и наказания». Потому-то и различны версии, по-

казалось нам и дом, где, по его предположениям, была контора, — Фонарный переулок, 9. Действительно, она — в двух шагах от Вознесенского моста да и от дома Раскольникова.

Кто-то утверждает, наверное, — сами, мол, увлеклись топографией. Не спорим. Но найдите минуты «свободного времени», возьмите роман и побывайте у дома Раскольникова и старухи-процентщицы. Сходите на Вознесенский мост и попытайтесь определить — у каких же перил стоял Родион Романович, смотря еще последний розовый отблеск заката, из ряд домов, темневших в сумрачной сумерках, на одно отдаленное окошко, где-то в мансарде по левой набережной...»

Только не забудьте при этом про направление течения канала, про то, какие окна освещают лучи заходящего солнца.

Петербург Достоевского навеет. Но всё ли мы знаем о нем?..

Ю. КРАСНОВ,
Б. МЕТЛИЦКИЙ

Если же выйдете из дома на улицу Плеханова, вот он — Демидов переулок, ныне переулок Грибоедова. То есть по Достоевскому: «...вот и переулок, но поворот в него полумертвый...» «Ишь

нарезался!» — крикнул кто-то ему, когда он вышел на канаву.

Верно, следуя за Раскольниковым, мы выходим на канал Грибоедова.

Итак, знающий роман, вернувшись, спросит: я как же Юсупов сад, мимо которого шел Раскольников к дому старухи? По версии, которую мы предлагаем, сад этот находился в стороне. Но обратите внимание на текст романа: «Надо было и торопиться и в то же время сделать крошечный поворот к дому в обход, с другой стороны...»

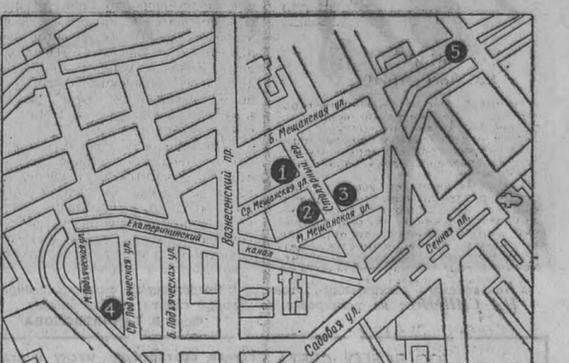
Так не мог ли быть этот обход по Садовой мимо Юсупова сада в сторону Гороховой?

Дом старухи-процентщицы, дом Раскольникова по тем адресам, которые мы предлагаем, и дом купца Алонкина, где жил Достоевский в пору соиния «Преступление и наказания», — все они расположены во второй Адмиралтейской части Петербурга, по тогдашнему административному делению столицы. Ее границы — от Мойки до канала Грибоедова.

Дом же старухи-процентщицы и конторы, где Порфирий Петрович встречался с Раскольниковым, если следовать устойчивой традиции, находились в третьей Адмиралтейской части, расположенной между каналом Грибоедова и Фонтанкой. Адрес конторы этой давно определен: угол Садовой и Большой Подъяческой.

По роману же: от Вознесенского моста надо было идти прямо «я при втором повороте взлететь влевою она (контора) была тут в двух шагах». А два шага эти оказываются почти всей Большой Подъяческой.

Так, быть может, контора, как и дом процентщицы, были все-таки во второй Адмиралтейской части? Борис Варфоломеевич Федорен-

На схеме: 1. «Дом Раскольникова» по Гражданской улице. 2. Дом Шилля по Столярному переулку. 3. Дом Алонкина по Столярному переулку, где жил Ф. М. Достоевский. 4. «Дом старухи-процентщицы» по Средней Подъяческой улице. 5. Предполагаемый «дом старухи-процентщицы» по улице Плеханова.

тому-то и находится похожие адреса.

Еще одна догадка. Пройдя двадцать шагов Соны, мы решили пройти и семью тридцать шагов Раскольникова, но — к другому дому, где, быть может, жила старуха-процентщица.

Традиционный адрес: дом 104 по каналу Грибоедова и 15 по Средней Подъяческой. До него примерно 730 шагов — от дома Шилля. Но есть, оказывается, и другой дом, приметы которого совпадают с тем, что сказано в романе. До него тоже семьсот с чем-то шагов. Только он — в другой стороне. Близ Гороховой, ныне улицы Державинского, между Большой Мещанской (улицы Плеханова) и «канавой» — каналом Грибоедова.

Убиство совершенно. Раскольников выходит из квартиры старухи. «Никого на лестнице! Под воротами тоже. Быстро прошел он подворотню и повернул налево по улице... Наконец, вот и переулок...»

Но ведь если вы, выйдя из дома на Средней Подъяческой, свернете налево — переулка не будет! Вы выйдете из канала.

Если же выйдете из дома на улицу Плеханова, вот он — Демидов переулок, ныне переулок Грибоедова. То есть по Достоевскому: «...вот и переулок, но поворот в него полумертвый...» «Ишь